

УДК 902"637"(571.1)

ББК 63.442.6(253.3)

**Индоиранский религиозный комплекс
в мировоззрении племен андроновской культурно-
исторической общности: история вопроса
и современные интерпретации***

П.К. Дашковский, Н.С. Гончарова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Indo-Iranian Religious Complex of the Worldview
of Andronov Cultural-Historical Community Tribes:
Historical Background and Actual Interpretations**

P.K. Dashkovskiy, N.S. Goncharova

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматриваются особенности реконструкции мировоззрения племен андроновской культурно-исторической общности в рамках выявления элементов индоиранского комплекса верований и обрядов. Предлагается история появления и развития данной области науки как отдельного методологического направления, выделяется ряд факторов, способствующих его становлению. Подробно дается историографический анализ работ отечественных ученых, которые связывали формирование андроновской культурно-исторической общности с миграцией индоиранских народов. Детально анализируются результаты многолетней работы Е.Е. Кузьминой, которые отражены в ряде ее трудов, посвященных реконструкции мировоззрения «андроновцев» с привлечением индоиранской мифологии. Статья включает в себя анализ материалов, представленных в трудах современных исследователей, например, в разработках Ю.И. Михайлова, И.В. Ковтуна и других ученых. Особое внимание уделяется дискуссионным моментам обозначенной концепции, а также особенностям интерпретации отдельных образов искусства и погребальной обрядности «андроновцев». Дается оценка целесообразности и перспективности использования индоиранского религиозного комплекса при изучении мировоззрения андроновских племен.

Ключевые слова: андроновская культурно-историческая общность, индоиранский религиозный комплекс, историография.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-13

The article deals with the particular reconstruction of worldview historical and cultural community of Andronov tribes in the identification of the Indo-Iranian elements of the complex of beliefs and practices. The significant emphasis is made on the formation and development of this field of science as a separate methodological line of investigation. The article presents a detailed historiographical analysis of the works of Russian scientists, who linked the formation of Andronov cultural-historical community with the migration of Indo-Iranian peoples. A detailed analysis is given to the results of long-term research of E.E. Kuzmina, which are reflected in a number of her works devoted to the reconstruction of worldview of Andronov's culture with the help of the Indo-Iranian mythology. The paper includes the analysis of sources in the works of modern researchers, such as Y.I. Mikhailov, I.V. Kovtun and others. Particular attention is paid to the discussion of the concept and special interpretations of some of the images of art and the funeral rites of "Andronov culture". The work is concluded with the prospects of using the Indo-Iranian religious complex in the study of worldview of Andronov.

Key words: Andronov cultural historical community, Indo-Iranian religious complex, historiography.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001a/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»).

Археологическое изучение памятников, позднее отнесенных к андроновской культуре (культурно-исторической общности), было начато еще в первой четверти XIX в. [1, с. 13], хотя сама культура была выделена в 1927 г. С.А. Теплоуховым [2; 3]. Активным исследованием андроновских памятников Сибири в первой половине XX в. занимались С.В. Киселев [4, с. 73–77], М.П. Грязнов [5, с. 14–20]. В обобщающих трудах ученых представлены весьма ценные сведения о предметах искусства и элементах погребального обряда. Хотя вполне закономерно, что они еще не выдвигали гипотезу об индоиранском происхождении «андроновцев», предполагая формирование и развитие культуры из местного субстрата [6, с. 18; 7; 8].

В 50–60-е гг. XX в. было продолжено изучение андроновских памятников благодаря обширным экспедиционным работам [1, с. 261]. В результате к 70-м гг. XX в. исследователями было накоплено значительное количество источников по андроновской культуре Западной Сибири [9, с. 88]. Их интерпретация при изучении мировоззрения производилась во многом в рамках традиционного подхода, основанного на поиске археолого-этнографических параллелей. Индоиранская мифология при этом в качестве аналогий при мировоззренческих реконструкциях еще практически не привлекалась. Примером таких исследований являются значимые для андроноведения работы С.С. Черникова [10], В.И. Матющенко [11], М.Д. Хлобыстиной [12], Г.А. Максименкова [13] и ряда других ученых.

Скудные данные о предметах искусства, обусловленные небольшим количеством соответствующих находок, и довольно редкие единичные изображения первоначально наводили исследователей на мысль о том, что искусство у андроновского населения не получило широкого распространения. При этом не исключался и вариант, что разные изображения еще просто не известны науке [4, с. 82–89]. В этом отношении исследования и публикация открытых в 70-е гг. XX в. петроглифов эпохи бронзы в Каратау, Ешкильмес в Южном Казахстане, Смагул, Мойнак и Талапты I в Восточном Казахстане, Саймалы-Таш на Тянь-Шане [1, с. 194–204; 14–16] стали весомым вкладом в источниковую базу. Обнаруженные изображения антропоморфных фигур, лошадей, двугорбых верблюдов, баранов, козлов и колесниц дали широкий простор для изучения и реконструкции мировоззрения населения Казахстана, Сибири и сопредельных территорий эпохи бронзы.

Важно отметить, что во второй половине XX в. особую значимость приобретали исследования в области индоевропейской мифологии и языка, проводимые В.Н. Топоровым [17; 18], Т.Я. Елизаренковой [19–23], М.М. Маковским [24], Л.А. Лелековым [25; 26], И.В. Раком [27], Г.М. Бонгард-Левиным, Э.А. Грантовским [28–30], И.М. Дьяконовым [31]

и другими учеными. Сделанные открытия в области сравнительной мифологии и языкознания дали основания многим исследователям для привлечения текстов Ригведы и Авесты при интерпретации археологических древностей Евразии.

Правда, следует указать, что впервые в самых общих чертах акцент на индоиранскую (иранскую) атрибуцию мировоззрения некоторых древних народов Евразии был сделан еще М.И. Ростовцевым в 1918 г. (см.: [32]). Однако в наибольшей степени подход, связанный с привлечением индоиранских аналогий к мировоззрению древнего населения Евразии, стал обозначаться с 70-х гг. XX в. Изначально такой подход нашел свое применение в работах ученых, посвященных мировоззренческой проблематике кочевников скифо-сакского периода [33–36], а затем и эпохи развитой бронзы [37–43]. В этой связи вполне закономерным явлением в археологии стало то, что в последние десятилетия в качестве методологического основания стала приобретать широкий размах концепция, связанная с проецированием индоиранского религиозного комплекса на мировоззрение древнего населения Южной и Западной Сибири эпохи палеометалла [44, с. 78].

Следует подчеркнуть, что гипотезу об индоиранской атрибуции «андроновцев» в свете индоевропейского вопроса одними из первых предложили И.М. Дьяконов [31, с. 124] и М.М. Дьяконов [45, с. 42]. В дальнейшем И.М. Дьяконов [46–48] неоднократно отмечал индоевропейское (индоиранское) происхождение андроновских племен. Данная идея получила широкое развитие в трудах Е.Е. Кузьминой. Исследовательница, сопоставив индоиранские свидетельства с археологическими данными, последовательно обосновывает предложенную М.М. и И.М. Дьяконовыми гипотезу [49–52]. Итогом исследований Е.Е. Кузьминой явилось положение о том, что культурный облик «андроновцев» вполне соответствует «культуре индоиранцев, особенно индоариев» [1, с. 265–266], на основании чего автор этнически атрибутирует их как индоевропейцев, а впоследствии и как иранцев. Кроме того, исследовательницей были сделаны важные шаги в вопросах связей андроновской культуры с культурами бронзового века соседних территорий. В частности, она отмечает влияние искусства Бактрии и Маргианы на формирование некоторых направлений в андроновском искусстве, а также близость трактовки образов, что объясняется фиксируемыми с новокумакского этапа связями бактрийско-маргианского археологического комплекса и андроновской культурно-исторической общности [53]. Результаты многолетней работы Е.Е. Кузьминой отражены в ряде трудов, существенная часть которых посвящена реконструкции мировоззренческих представлений «андроновцев» с привлечением индоиранской мифологии [1; 53–56].

Несмотря на ряд критических замечаний [57; 58], тем не менее, результаты исследований Е.Е. Кузьминой получили высокую оценку и нашли широкую поддержку среди исследователей [14; 37; 42; 43; 48; 59–62]. С конца 80-х гг. XX в. индоиранская принадлежность андроновской культуно-исторической общности приобрела практически всеобщее признание среди отечественных исследователей. Вклад Е.Е. Кузьминой в развитие концепции индоиранской атрибуции «андроновцев» трудно переоценить. Именно в ее работах зарождается и разрабатывается методологический подход, связанный с выявлением в мировоззрении населения эпохи развитой бронзы представлений, верований и обрядов, интерпретировать которые можно в русле индоиранской (индоарийской) религиозно-мифологической традиции. Благодаря собранной ею доказательной базе, в том числе на основе изучения изобразительных источников и погребального обряда, исследователи с конца 80-х — 90-х гг. XX в. начинают все чаще использовать индоиранский религиозный комплекс для реконструкции мировоззрения «андроновцев». Следует отметить и такой немаловажный фактор, способствующий с 80-х гг. XX в. популярности индоиранской атрибуции «андроновцев», как открытие и изучение знаменитого комплекса памятников Синташта и городища Аркаим на территории Южного Приуралья [63–65].

Необходимо подчеркнуть, что изначально концепция индоиранской атрибуции андроновского населения предполагала обращение к тем представлениям, которые существовали задолго до разделения индоиранцев на иранскую и индийскую ветви. Поэтому для реконструкции мировоззрения древних обществ привлекались общие аспекты для той и другой мифологии. Большинство исследователей апеллирует к некогда единой культурной традиции [66, с. 164, 168; 67]. Однако некоторые современные ученые иногда в своих работах указывают приоритетным и определяющим либо индоарийский (индийский) [43; 68, с. 9, 11; 69, с. 130], либо иранский [53, с. 42; 70] компоненты религиозно-мифологического комплекса «андроновцев», сосредотачиваясь, таким образом, только на одной из мифологических систем. При этом зачастую аргументация более точной этнической атрибуции не лишена неизбежных противоречий [1, с. 223, 254–262; 56, с. 175].

После формирования концепции индоиранской атрибуции мировоззрения андроновской культурно-исторической общности многие исследователи стали стремиться наполнить ее фактическим материалом и новыми сравнительно-историческими выводами. Так, интерпретируя образы наскального искусства, Я.А. Шер [71, с. 268, 276, 283–284; 72] проводит параллели с текстами Ригведы, а также опирается на древнеиндийские представления, отраженные

в других источниках (например, Атхарваведе), и древнекитайскую мифологию. М.Ф. Косарев [73, с. 182] для интерпретации погребального обряда «андроновцев» в совокупности с этнографическими данными по народам Сибири в качестве источника использует Ригведу.

Ценный материал для исследования представлен андроновскими керамическими орнаментированными сосудами, орнамент которых рассматривается учеными как знаковая система [74–78]. Археологи указывают на то, что, опираясь на общепринятую индоиранскую концепцию происхождения андроновских племен, можно предполагать существование у населения степной бронзы мировоззренческих представлений, близких индоиранской космологической модели. Согласно последней, солнце представлялось в идее зоо- или антропоморфного существа, облетающего по небосводу землю на своей огромной колеснице и на ночь погружающегося в океан, через который оно переправляется с запада на восток, чтобы утром вновь подняться на небо [1, с. 208; 37, с. 57, 74; 70; 79, с. 60; 80, с. 108].

В центре наиболее дискуссионных проблем находятся выделяемые учеными особенности погребального обряда «андроновцев», отражающего представления о загробном мире. В частности, в контексте индоиранской атрибуции «андроновцев» обращает на себя внимание вопрос о сочетании в одном погребении кремации и труположения, что рассматривается как обряд особого типа [9, с. 105]. Проблема совмещения двух типов захоронения неоднократно поднималась исследователями [1, с. 223, 262; 12; 62; 81]. Ученые связывают возникновение такого типа обряда с ведической традицией, подробно рассмотренной в трудах Б.А. Литвинского [82], Т.Я. Елизаренковой [19] и других ученых.

Ритуальная символика андроновских погребений в русле индоиранской концепции неоднократно рассматривалась Ю.И. Михайловым [37; 83; 84, с. 58; 85]. Проводя анализ женских погребений, ученый сопоставил андроновские женские нагрудники с ритуальной одеждой служителей культа более раннего времени. На ритуальном уровне наконечники копий, по мнению Ю.И. Михайлова, могли быть связаны с образом женского божества, что свидетельствует об особом брачно-семейном статусе женщины. Кроме того, Ю.И. Михайлов совместно с В.В. Иванчук пришел к выводу о существовании среди андроновских племен представлений о необходимости тщательного и строгого соблюдения правил погребальной обрядности именно в том виде, в каком они были представлены в изначальном варианте индоиранской традиции [62, с. 47]. Особенности погребального обряда «андроновцев» рассматриваются также С.В. Сотниковой [86, с. 43–44]. Исследовательница, опираясь на текст Ригведы, интерпретирует парные захоронения как от-

ражение близнечного культа в представлениях «андроновцев». Кроме того, ею отмечено сходство в обращении с кремированными останками умершего в индоарийской, иранской и андроновских культурных традициях [87, с. 182–183].

Обширные реконструкции мировоззренческих идей андроновских племен с применением образов и сюжетов индоиранской мифологии произведены Э.Р. Усмановой [39; 40] по результатам исследования могильника Лисаковский. В ее работах погребальный обряд рассматривается как знаково-символическая система действий, направленная на организацию умершего во времени и пространстве определенным образом. Главная роль в этом случае, по мнению Э.Р. Усмановой, принадлежит знаку «погребальная постройка». Последняя несет данные о поле, возрасте и семейно-социальном положении умершего, которые возможно интерпретировать с учетом индоиранского происхождения описываемого памятника [38].

Для исследований последних десятилетий в области реконструкции мировоззрения характерно появление работ, в том числе монографического характера, в которых предпринята попытка воссоздать некоторые аспекты представлений, имеющие широкую доказательную базу своего существования. В этом отношении показательны работы по реконструкции мировоззрения «андроновцев», в которых публикуемые результаты исследований проведены с привлечением индоиранского религиозного комплекса [76; 77; 85; 88, 89]. Особый интерес представляет отдельный труд Ю.И. Михайлова [37], посвященный реконструкции мировоззрения населения Западной Сибири эпохи палеометалла. Ученый производит воссоздание мировоззренческих представлений в древних обществах, используя индоиранский религиозный комплекс с андроновского времени. Проведенные исследования позволили выделить мифологические представления исходя из данных погребального обряда. В этом отношении особое внимание Ю.И. Михайлов уделяет такому элементу, как культ огня и символическая интерпретация плавящихся металлов из погребений. По мнению исследователя, гибель металла в огне можно трактовать как отражение эсхатологических представлений. Кроме того, в работе представлена реконструкция образов женского божества и служителей культа андроновского общества и их роли в системе религиозных представлений.

Не менее значимы для науки и многочисленные публикации И.В. Ковтуна [42; 43; 61; 90], одним из центральных направлений исследования которого стала семантическая интерпретация образов и сюжетов искусства населения Евразии эпохи бронзы. В этом отношении отдельного внимания заслуживает специальное исследование под названием «Конь и лыжник» [42], являющееся одной из первых работ, целиком посвященной именно поиску назначения и смысла важного образа древнего искусства. Автор привлекает этнографические параллели, интерпретирует изучаемый им сюжет в рамках индоевропейской мифологической традиции. Исследователь, отмечая мифокалендарный характер композиции, трактует ее как ритуал жертвоприношения коня, что способствует началу нового календарного цикла [42, с. 96]. В этом же ключе проведено другое исследование, где ученый отождествляет изображение змеи с прообразом верховного хранителя справедливости Варуны, убедительно обосновывая такую точку зрения в рамках индоиранского религиозного комплекса [61, с. 32]. Многочисленные разработки в области реконструкции мировоззрения населения эпохи бронзы суммированы И.В. Ковтуном в фундаментальной монографии «Предыстория индоиранской мифологии», в рамках которой концептуально представлена возможность привлечения ведийских и постведийских тестов при семантических интерпретациях артефактов конца III–II тыс. до н.э. [90]. Отдельно следует отметить современные исследования, посвященные выявлению прообразов божеств индоарийской (индийской), например, Индры, Варуны [61; 91] и иранской (Митра) [32] мифологии в искусстве и погребальной практике андроновского населения. Труды такого плана сосредоточены на выявлении изначальных сведений и представлений о божествах в некогда общей индоиранской традиции, определяющей мировоззрение «андроновцев».

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время гипотеза индоиранской атрибуции мировоззрения андроновских племен считается наиболее признанной учеными. Несмотря на дискуссионность отдельных положений этой концепции, учеными достаточно убедительно показана возможность привлечения индоиранского комплекса верований при реконструкции мировоззрения, о чем свидетельствует раскрытие семантики образов и сюжетов искусства и элементов погребального обряда.

Библиографический список

1. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. — М., 1994.

2. Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Вып. 2. Т. 3. — Л., 1927.

3. Теплоухов С.А. Андроновская культура // Сибирская советская энциклопедия. — Новосибирск, 1929. — Т. 1.
4. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951.
5. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии. — №48. — М.; Л., 1956.
6. Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). — Вып. 39. — 1951.
7. Мартынов А.И. Андроновская культура. Древняя Сибирь. — Улан-Удэ, 1964.
8. Максименков Г.А., Мартынов А.И. Андроновское время в Южной Сибири // История Сибири. — Л., 1968. — Т. 1.
9. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск, 1985.
10. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — М.; Л., 1960.
11. Магющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. — Вып. 11. — Томск, 1973.
12. Хлобыстина М.Д. Некоторые особенности андроновской культуры Минусинских степей // Советская археология (СА). — 1973. — №4.
13. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. — Л., 1978.
14. Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. — Алма-Ата, 1977.
15. Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е. Наскальные изображения в горах Ешкюльмес. — Алма-Ата, 1991.
16. Новожинов В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. — Алма-Ата, 1994.
17. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. — М., 2010. — Т. I.
18. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. — М., 2010. — Т. II.
19. Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. — М., 1989.
20. Елизаренкова Т.Я. Мир идей ариев Ригvedы // Ригведа. Мандалы V–VIII. — М., 1999.
21. Елизаренкова Т.Я. О Соме в Ригvedе // Ригведа. Мандалы IX–X. — М., 1999.
22. Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригvedе. — М., 1999.
23. Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мир вещей по данным «Ригvedы» // Ригведа. Мандалы V–VIII. — М., 1999.
24. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. — М., 1996.
25. Лелеков Л.А. Авеста в современной науке. — М., 1992.
26. Лелеков Л.А. Индоиранская идеология между первобытностью и раннеклассовым обществом (по материалам Ригvedы и Авесты) // Идеологические представления древнейших обществ. — М., 1980.
27. Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В. Рака. — 2-е изд., исправл. — СПб., 1998.
28. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. — М., 1974.
29. Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. — М., 1998.
30. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. — М., 2007.
31. Дьяконов И.М. История Мидии: От древнейших времен до конца IV в. до н.э. — М.; Л., 1956.
32. Кузьмина Е.Е. Образ Митры в искусстве степей Евразии, Индии и Ирана во II — начале I тыс. до н.э. и лингвистические данные // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. — СПб., 2012. — Кн. 1.
33. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. — М., 1977.
34. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. — М., 1985.
35. Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). — Барнаул, 2011.
36. Дашковский П.К. Структурализм и археология: теоретико-методологические основы мировоззренческих реконструкций в скифо-сакской номадологии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии / под ред. П.К. Дашковского. — Вып. VII. — Барнаул, 2014.
37. Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). — Кемерово, 2001.
38. Усманова Э.Р., Ткачев А.А. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // ВДИ. — 1993. — №2.
39. Усманова Э.Р. Сакральный архетип «мировое дерево» в погребальном обряде андроновских племен (по материалам могильника Лисаковский) // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. — Челябинск, 1999.
40. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский 1: факты и параллели. — Караганда; Лисаковск, 2005.
41. Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. — Алма-Ата, 2011.
42. Ковтун И.В. Конь и лыжник // Труды музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. — Т. IV. — Томск, 2012.
43. Ковтун И.В. Сейминско-турбинские древности и индоарии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2012. — №4.
44. Дашковский П.К., Гончарова Н.С. Методологические подходы к изучению мировоззрения населения Юж-

- ной и Западной Сибири эпохи палеометалла: историографический аспект // Известия Алт. гос. ун-та. — 2013. — № 4/1 (80).
45. Дьяконов М.М. Очерк истории Древнего Ирана. — М., 1961.
46. Дьяконов И.М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // Вестник древней истории (ВДИ). — 1970. — № 4.
47. Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. — 1982. — № 3.
48. Дьяконов И.М. Прародина индоевропейцев (по поводу книги Е.Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?») М., 1994 // ВДИ. — 1995. — № 1.
49. Кузьмина Е.Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // СА. — 1963. — № 2.
50. Кузьмина Е.Е. Древнейшие свидетельства доместикации лошади и применения колесного транспорта в связи с вопросом о времени и месте формирования индоевропейской общности // Доклады и сообщения делегации СССР на VIII Международном конгрессе доисториков и протоисториков в Белграде. — М., 1971.
51. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культуры коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. — М., 1977.
52. Кузьмина Е.Е., Смирнов К.Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. — М., 1977.
53. Кузьмина Е.Е. Андроновское искусство: образы коня и верблюда // Международная конференция по первобытному искусству. — Кемерово, 1998.
54. Кузьмина Е.Е. Лингвистический и археологический аспекты проблемы происхождения и расселения индоиранских народов // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. — М., 1984.
55. Кузьмина Е.Е. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии // ВДИ. — 1988. — № 2.
56. Кузьмина Е.Е. Арии — путь на юг. — М., 2008.
57. Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. — СПб., 2007.
58. Аскарлов А.А. Арийская проблема — новые подходы и взгляды // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. — Ташкент, 2005.
59. Кирюшин Ю.Ф. Культ коня у народов Казахстана и Западной Сибири в древности // Валихановские чтения. — Кокшетау, 1992.
60. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. — М., 2004.
61. Ковтун И.В. Праобраз Варуны на кинжале из Сеймы // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе : сборник статей. — Барнаул, 2013. — Вып. VI.
62. Иванчук В.В., Михайлов Ю.И. Обряд кремации и андроновская погребальная архитектура: проблемы культурно-исторической интерпретации) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. — Барнаул, 2002.
63. Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблемы ранних индоиранских племен // СА. — 1977. — № 4.
64. Аркаим: Исследования, поиски, открытия. — Челябинск, 1995.
65. Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. — Челябинск, 2002.
66. Шер Я.А. К интерпретации сюжетов некоторых петроглифов Саймалы-Таша // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. — Л., 1978.
67. Кукушкин И.А. К проблеме андроновского «арийства» // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура : сборник научных трудов / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина. — Барнаул, 2002.
68. Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.М. Наскальные изображения урочища Тамгалы. — Алма-Ата, 1985.
69. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южнотаежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В.Н. Чернецова. — М., 2006.
70. Горячев А.А., Егорова Т.А. Художественное своеобразие и семантический анализ образов «солнцеголовых» эпохи бронзы урочища Тамгалы в свете материалов письменной и изобразительной традиций древних цивилизаций // История и археология Семиречья. — 2011. — № 4.
71. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. — М., 1980.
72. Шер Я.А. Петроглифы — древнейший изобразительный фольклор // Наскальное искусство Азии. — Вып. 2. — Кемерово, 1997.
73. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: природная среда и человек. — М., 1991.
74. Рудковский И.В. Андроновский орнамент как система // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. — Караганда, 1987.
75. Рудковский И.В. Некоторые результаты реконструкции андроновской орнаментальной грамматики // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. — Новосибирск, 1989.
76. Михайлов Ю.И. Семантика андроновской орнаментации // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения) : тезисы докладов. — Кемерово, 1989. — Ч. II.
77. Михайлов Ю.И. Орнамент андроновского керамического комплекса (проблемы анализа и интерпретации) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 1990.
78. Сенчилов А.П. Геометрический орнамент эпохи бронзы: проблемы локальной идентификации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 2000.

79. Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. — Фрунзе, 1986.
80. Кукушкин И.А. Некоторые аспекты семантики андроновского (федоровского) орнамента // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. — Барнаул, 2003. — Кн. I.
81. Хлобыстина М.Д. К вопросу о биритуальных обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. — Кемерово, 1976.
82. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». — М., 1972.
83. Михайлов Ю.И. Собака в ритуальной практике андроновского населения // Маргулановские чтения : материалы конференции. — М., 1992.
84. Михайлов Ю.И. Ритуальная символика женских погребений синташтинского и андроновского времени // Археология Южной Сибири. — Вып. 23. — Кемерово, 2005.
85. Михайлов Ю.И. Культурно-экологические характеристики образов древней сибирской мифологии // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. — Кемерово, 2011.
86. Сотникова С.В. Об отражении близнечного культа погребальном обряде андроновского населения // Вестник Пермского университета. История. — 2013. — Вып. 1 (21).
87. Сотникова С.В. Андроновский (федоровский) обряд кремации: к реконструкции ритуала // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири : сборник научных трудов / под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. — Барнаул, 2003.
88. Михайлов Ю.И. Образ «чудесной упряжки» и символика движения-перемещения в культурных традициях юга Западной Сибири и Центральной Азии // Первобытная археология. Человек и искусство. — Новосибирск, 2002.
89. Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири в эпоху бронзы : дис. ... д-ра ист. наук. — Кемерово, 2004.
90. Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. — Кемерово, 2013.
91. Ковалева В.Т., Шилов С.Н. Праобраз Индры: об интерпретации антропоморфного изображения на сосуде // Вопросы археологии Урала. — Вып. 24. — Екатеринбург, 2002.